

Дорогие читатели / читательницы!

Эта книга содержит информацию, которая может быть воспринята как триггер.

Поэтому на странице 414 вы найдете предупреждение об этом.

ВНИМАНИЕ: вышеуказанная страница содержит спойлеры ко всей книге.

Мы желаем вам приятного чтения.

Ваша Анабель и издательство LYX

Посвящаю эту книгу моим родителям.

Спасибо, что вы — моя семья.

А также моим друзьям.

Спасибо, что стали моей семьей

- Lennon Stella — Breakaway
- Florence + The Machine — Hunger
- Woodkid — Run Boy Run
- Jessie Reyez — FIGURES
- Bea Miller — feel something
- Hozier — Movement
- Arcade Fire — My Body Is a Cage
- Shawn Mendes — A Little Too Much
- Tom Walker — Leave a Light On
- Gabrielle Aplin — Please Don't Say You Love Me
- Ava Max — So Am I
- Passenger — Hell or High Water
- Foo Fighters — The Pretender
- Pitbull, Kesha — Timber
- Backstreet Boys — Everybody
- Taylor Swift — You Need To Calm Down
- Athlete — Wild Wolves
- Walking on Cars — Speeding Cars
- Gary Go — Berlin
- Dermot Kennedy — An Evening I Will Not Forget
- Kesha — Praying
- dodie — Burned Out
- Billy Raffoul — You Be Love
- Christina Aguilera — The Voice Within
- Selena Gomez — Look At Her Now
- Rachel Platten — Fight Song

1 ГЛАВА

Лия

— Кому в Берлин? Кто в Берлин? Заходим, пожалуйста!

Я промчалась мимо группы школьников, чуть не споткнулась о дорожную сумку какой-то молодой матери и, наконец, тяжело дыша, остановилась перед красным автобусом. Я-то думала, что одного занятия йогой в неделю вполне достаточно, чтобы поддерживать себя в форме, но одышка и боль в ногах говорили об обратном. Дрожащими пальцами я расстегнула молнию рюкзака и начала рыться в его недрах в поисках телефона.

— Ты едешь? — спросил мужчина, который, как оказалось, и кричал на всю автобусную станцию, привлекая внимание пассажиров. Его рубашка была такой же красной, как автобус.

Я только кивнула, не в силах выдавить из себя внятный ответ. Мое дыхание все никак не восстанавливалось, а язык прилипал к нёбу.

— Тогда засовывай свой чемодан вон туда. — Он указал на открытую дверцу сбоку автобуса. — Если едешь до аэропорта, то клади ближе к той стороне, если до Алекс¹ — то вот сюда.

¹ Алекс — сокращение от Александерплац — центральная площадь Берлина. (Здесь и далее, если не указано иное, примеч. пер.)

Я пристроила свой маленький чемоданчик рядом с другими, уже лежащими в автобусе, и протянула мужчине смартфон. Билет я купила онлайн всего несколько минут назад.

Он отсканировал QR-код, коротко кивнул мне и закрыл боковые дверцы автобуса. Мой чемодан скрылся из виду.

Я действительно делаю это, прямо сейчас. Ничего себе. Сердце продолжает колотиться в груди, и дело совсем не в спринтерской пробежке по летней утренней жаре. Это волнение. И страх. Потому что на самом деле я боюсь и отчетливо это осознаю. Тут я поняла, что не сдвинулась с места ни на шаг, все еще стою и смотрю на дверь багажника. Перед глазами возникло какое-то красное пятно, которое настойчиво требовало моего внимания.

— Эй, барышня, если хочешь ехать, то нужно зайти в автобус.

— Извините, — пробормотала я, едва сдерживаясь, чтобы не отпустить комментарий по поводу «барышни», и вцепилась большими пальцами в ремни рюкзака. Я действительно делаю это. Не потому, что очень храбрая или предприимчивая. Просто у меня нет выбора. Я должна это сделать.

Я поставила правую ногу на ступеньку небольшой лестницы, ведущей внутрь автобуса, и оглянулась напоследок. Все, что я увидела, — это довольно старую автобусную станцию маленького городка, мимо которой я часто проезжала по дороге в университет. Даже не знаю, что я хотела увидеть. Возможно, в такой особенный момент я должна почувствовать грусть или тоску от того, что все закончилось. Или облегчение и волнующее покалывание в груди — предвестники начала новой жизни. Но я ощущала только безразличие. Вновь обернувшись, я поставила на ступеньку левую ногу.

И зашла внутрь. Наконец-то.

9 ПОБЕГ

Автобус оказался почти пустым, было занято всего несколько мест, так что я могла расположиться сразу на двух. Вообще, это неудивительно, ведь сегодня утро вторника. Я проскользнула к ряду кресел в задней части автобуса и сняла рюкзак с плеч. Моя футболка неприятно прилипла к сиденью, хотя здесь было довольно свежо по сравнению с улицей. Я стянула одну из резинок с запястья и скрутила длинные медно-рыжие волосы в небрежный пучок на макушке. Прохладный воздух приятно охлаждал вспотевшую шею.

Я глубоко вдохнула. Я делаю это, делаю прямо сейчас.

До Берлина на автобусе было больше четырех часов езды. Это даже хорошо. Чем дальше я еду, тем больше расстояние между мной и этим местом. Водитель завел двигатель, автобус низко загудел. Я открыла рюкзак и в последний раз проверила, взяла ли все самое важное: кошелек, зарядка, телефон. Рука невольно дотронулась до шеи. Фотоаппарат. Я вздохнула с облегчением и легонько, словно пытаюсь его успокоить, провела большим пальцем по краю линзы. По правде говоря, мне нужно было успокоиться. Обычно фотоаппарат «заземлял» меня, ощущение холодного металла действовало умиротворяюще. Однако в последнее время гаджет только усиливал мое беспокойство. До такой степени, что я чуть не оставила его дома. Но в последнюю секунду передумала. Не знала почему — надеялась на что-то, или это была наивная попытка убедить себя в том, что все нормально. Мой указательный палец перестал двигаться, и я посмотрела на фотоаппарат. Свою творческую отдушину. На напоминание обо всем, что недавно пошло не так. Я схватила камеру, подняла вверх, освободила шею от кожаного ремешка и засунула в нижнюю часть рюкзака под небольшое полотенце. Сразу стало немного легче, но одновременно и печальнее. Я закрыла рюкзак и просто стала надеяться на то, что самые важные вещи у меня с собой или что я смогу

купить их, если чего-то будет не хватать. Дома подумать об этом времени не было. Я запихнула в чемодан все, что выглядело пригодным для носки, взяла косметику и зубную щетку из общей ванной комнаты, а затем покинула общежитие, надеясь не столкнуться с моей соседкой по комнате Лизой или кем-то еще. Мне совсем не хотелось видеть чьи-либо взгляды. Или, что еще хуже, Лиза могла бы спросить, почему я не была в университете и не сдавала экзамен по медиаправу.

Я отвернулась в окно и заставила себя подумать о чем-то другом. Не хотела вспоминать о том, как сидела в аудитории и смотрела на чистый лист бумаги, потому что все мои знания куда-то улетучились. Как ручка дрожала в руке от услышанных в коридоре перешептываний. Они слишком громко звучали в моих ушах, как навязчивая мелодия на повторе. При мысли о тех взглядах и словах я вскочила и выбежала из аудитории, живот скрутило болезненной судорогой, к горлу подступила тошнота. Я сделала глубокий вдох и попыталась успокоиться. И вот я здесь, в этом автобусе. И с каждой секундой все дальше от университета. От моих однокурсников. От всех их взглядов и слухов. Все, что мне нужно, — это время, чтобы прийти в себя. Несколько недель покоя в городе, где меня никто не знает. Я надела наушники и включила свой плейлист. Под трек группы Florence and The Machine стала думать о Берлине и о том, что меня ждет впереди. Потому мне и нужна была эта поездка: оставить все позади и, наконец, посмотреть вперед.

— Аэропорт Шенефельд, — низкий голос водителя автобуса разбудил меня. Я убрала с лица пряди волос, выбившиеся из пучка, и потянулась, насколько это было возможно в узком пространстве между сиденьями. Плечо хрустнуло, шея затекла — не самые приятные ощущения. Не знаю, когда именно я заснула, но, по всей видимости, до моей остановки было уже недалеко. В окно я виде-

ла множество людей, спешащих в аэропорт или идущих по крытому переходу от терминала до скоростной железной дороги. Как бы я хотела просто сесть в самолет и улететь на другой конец света. Но состояние моего банковского счета и чувство вины перед мамой не позволяли этой мечте осуществиться. Ну и еще то, что вплоть до сегодняшнего утра я вообще не собиралась покидать дом. И поскольку две недели вообще никуда не выходила, эта поездка через всю страну стала для меня огромным достижением.

— Следующая остановка — «Александрплац». Мы прибудем около 15:30. Пожалуйста, займите свои места и пристегнитесь.

Я потянулась еще раз и вытащила провод наушников из щели между двумя сиденьями. Наверное, пока я спала, они упали туда. Я разблокировала смартфон и хотела снова включить музыку, но на глаза попались иконки других приложений. «Фейсбук». «Инстаграм». «Твиттер». В правом верхнем углу каждой из них горели цифры в маленьких красных кружочках — новые сообщения. Довольно много новых сообщений. От ярких логотипов зарябило в глазах, палец неподвижно завис над экраном. Затем я коснулась розово-фиолетового квадрата, напоминавшего фотоаппарат. Это приложение долгое время было моей творческой отдушиной. Мне очень хотелось проверить новые уведомления — личные сообщения, комментарии. Но я проигнорировала их все. Вместо этого коснулась изображения своего профиля, пролистала настройки и зашла в раздел помощи, пока, наконец, не нашла то, что искала. Недолго думая, я опустила палец на ссылку, перейдя по которой навсегда удалила учетную запись. Легкое волнительное покалывание в животе было на удивление приятным. Воодушевленная этой реакцией, я сделала то же самое с другими социальными сетями. Всего несколько кликов. Ничего не изменилось, но я чувствовала себя так,

словно неимоверная тяжесть упала с моих плеч. Остался WhatsApp. Мало кто знал номер моего мобильного, новых сообщений не появилось. Тем не менее я открыла приложение, прокрутила немного вниз и нажала на чат с Александром. Человеком, которому я доверяла. И это было моей ошибкой. Я почувствовала, как покалывание в животе трансформировалось в гнев, который усилился, когда я прочитала его последнее сообщение.

Нам надо поговорить. Пожалуйста.

Я чуть не рассмеялась вслух. Я не хотела с ним разговаривать. Это из-за него я оказалась здесь, в автобусе. Я тогда не ответила на его сообщение, как и на предыдущие. Мне становилось плохо только от того, что я просто читала его имя. Но сейчас мои пальцы уже набирали ответ.

Оставь меня в покое. Удали мой номер.

Нажала «Отправить». Затем кликнула по его имени вверху чата, прокрутила страницу вниз и заблокировала контакт. С шумом выдохнула, надеясь, что всего этого будет достаточно, включила музыку, прислонилась головой к окну и стала смотреть на проносящиеся мимо пейзажи. Поля были совсем желтые, словно измученные засухой. Я смотрела в окно, и мое сердцебиение медленно приходило в норму. Хотя окрестности Берлина едва ли можно было назвать идиллическими или живописными, мне это зрелище казалось фантастически красивым. Ведь оно напоминало о том, что я смогла. Я уехала. И могла теперь хоть на какое-то время вздохнуть с облегчением, оставить все позади и притвориться, что ничего не произошло.

Пролетавшие мимо деревья и дома словно гипнотизировали меня, и глаза снова невольно стали закрываться. Но уже через секунду я резко вздрогнула. Оглушительный сигнал клаксона смог добраться до моих барабанных перепонок даже через наушники. Я заметила, что водитель автобуса высунул руку в окно и показал неприличный

жест. Затем перестроился в правую полосу. Оглянувшись, я увидела, как темно-красный «Опель» с надрывающимся двигателем и огромной вмятиной на правой задней двери нагнал автобус слева. Парень в солнечных очках, сидевший с пассажирской стороны, явно раздраженно покачал головой, когда машина пошла на обгон. Поравнявшись с водителем, «Опель» снова посигналил, а затем умчался, явно игнорируя ограничение скорости.

«Идиот», — тихо пробормотала я, откинувшись на спинку кресла и наблюдая, как природный ландшафт сменяется урбанистическим, пока, наконец, за окном не замелькали отели и небольшие магазины. Люди спешили, пробегая мимо них, и даже не осознавали, как им повезло жить в таком огромном, пульсирующем жизнью городе. Городе, где так просто раствориться в толпе. Я вот-вот достигну своей цели и, по крайней мере на некоторое время, стану одной из них. Впервые за несколько недель у меня появилось ощущение, что я снова двигаюсь вперед, а не топчусь на одном месте, без всяческого прогресса, несмотря на прилагаемые усилия.

Я вытащила чемодан из бокового багажного отсека и попрощалась с водителем автобуса, который повернулся, чтобы поприветствовать своего коллегу. Свободной рукой я прикрыла глаза от солнца и осмотрелась, другой крепко сжала ручку чемодана. Запрокинув голову, прищуренными глазами я стала рассматривать телебашню. Затем окинула взглядом Александерплац, которую раньше видела только по телевизору. Мы никогда особо много не путешествовали, и хотя мне всегда этого хотелось, после развода родителей мои планы изменились. Я не могла и не хотела оставлять маму одну. Так что, когда пришло время поступать в университет, выбор автоматически пал на ближайший к нашему дому. Я подавила угрызения совести, которые начинали мучить меня при этих мыслях. По крайней мере, ее я должна была предупредить.

Но она потребовала бы объяснений, а я не могла ничего ей рассказать.

Я отмахнулась от тягостных мыслей и посмотрела вокруг. Слева от меня у светофора толпились люди, мимо них с грохотом проносились желтые трамваи, по периметру площади расположились маленькие киоски, а солнце пекло так, что тепло поднималось прямо от земли. Пахло жареной едой, выхлопными газами и летом. Было шумно. Все просто были заняты своими делами и не обращали на меня никакого внимания. Мне это нравилось.

Руки автоматически потянулись туда, где обычно висел на кожаном ремне фотоаппарат. Только когда мои пальцы коснулись ткани рубашки, я поняла, что шее не хватает привычного веса. На мгновение стало грустно. Обычно объектив всегда фиксировал то, что я видела. Когда я снимала, то смотрела на окружающий меня мир другими глазами. Запечатлевала его во всех деталях. Фотоаппарат был не только моей отдушиной, он помогал мне острее прочувствовать момент. Сделать паузу в быстро меняющемся мире, уловить эту скорость и в каждом новом снимке открыть для себя что-то, что иначе я могла бы пропустить. Наши глаза, конечно, идеальные объективы, но мозг обязательно фильтрует и отсортировывает то, что считает ненужным. С другой стороны, фотоаппарат может навсегда запечатлеть и сохранить каждую мелочь на карту памяти — изображение, звук, движения и эмоции. Он не только ловит воспоминания, но и порождает новые, показывая то, что мы могли упустить из виду.

Я блуждала взглядом, словно фотообъективом, по сценам, которые уже не сниму. Вот я заметила, как шар телебашни отражает солнце в виде крестообразного узора. А вот трое детей играют в классики на стоянке через дорогу.

Было странно не снимать это все, словно впечатление от увиденного утекало как песок сквозь пальцы. Но при-

ятно, что я смогла заметить такие моменты. Что захотела снова взять в руки фотоаппарат. Может быть, здесь я сделаю это снова, когда придет время. Уголки моего рта слегка приподнялись. Возможно, на улыбку не слишком похоже, но начало положено.

Я вдохнула теплый воздух и с шумом выдохнула.

Что теперь?

Я стояла, вцепившись в рюкзак и маленький чемодан, перед зеленой зоной, рядом с которой вышла из автобуса, и решительно не знала, что делать дальше. Если багажа у меня немного, то вот плана действий не было вообще.

2 ГЛАВА

Ной

Он выглядел действительно неважно. Люди всегда говорили, что Элиас — более взрослая версия меня, мы были удивительно похожи. Сейчас на его лице, широком и четко очерченном, явно выделялись впалые щеки. Под глазами, такими же светло-карими, как мои, пролегли тени. Раньше он сразу хватался за бритву, едва на подбородке проступало несколько щетинок. Теперь он отрастил бороду, по оттенку чуть светлее его каштановых волос. И это оказалось даже неплохо, но общее впечатление — в моем брате словно что-то потухло внутри. Он был похож на цветной принтер, в котором ресурс картриджа подходил к концу.

Элиас потер руками лицо, желая закрыться от моего пытливого взгляда, уловившего явные изменения в его внешности.

— Не смотри на меня так. Я знаю, — вздохнул он, еще раз потер переносицу и снова посмотрел на меня.

— Извини, — пробормотал я. — Разве мама уже не прожужжала тебе все уши, что нужно побриться?

Элиас издал короткий смешок и слегка покачал головой.

— Что? — смущенно спросил я.

— Я думал, она рассказала тебе, что случилось. Иначе зачем ты здесь? Ты действительно думаешь, что наши родители после всего того, что случилось, могут заявиться

сюда? — Он скрестил руки на груди и вопросительно посмотрел на меня.

Я не знал, что сказать. Неужели он это серьезно?

— Она говорила, что вы поссорились. Но я не думал, что все настолько плохо и вы больше не общаетесь.

— Ну, примерно так это и выглядит, — пробормотал он. — А зачем приехал ты? Разве ты не должен быть сейчас в Боливии, или Аргентине, или где-то еще?

Я фыркнул.

— Как будто я мог оставаться там, зная, что тут происходит. Я бы приехал раньше, но только в пятницу узнал, что произошло.

Я даже не подозревал, что наши родители не только выгнали Элиаса из компании, но и перестали с ним общаться. И скрывали это все от меня в течение нескольких дней. Мне следовало находиться рядом с братом. Вместо этого я, ничего не подозревая, продолжал жить своей привычной жизнью за тысячи километров от дома. Да и Элиас отвечал на мои сообщения так, словно все было в порядке.

Теперь я смотрел на беспорядок, царивший на его кухне, в его тусклые глаза, и понимал, что ничего не в порядке. Я сделал глоток воды, пытаюсь прогнать чувство разочарования. Если бы мать не проболталась по телефону, я бы, наверное, все еще торчал где-нибудь на другом конце света, ничего не подозревая. Она представила все так, словно ситуация не была такой уж ужасной, и пыталась отговорить меня от возвращения в Германию. Как будто после этого я мог думать чем-то другим.

— Тебе не следовало прерывать свое путешествие. Вряд ли ты что-то можешь изменить, — сказал Элиас. — А теперь мой длинный список грехов пополнился еще одним пунктом.

Широкие плечи Элиаса опустились еще ниже. Я не знал его таким. Полный жизни, позитивный, бун-

тарь, безгранично преданный — таким был мой брат. А не это олицетворение печали, явно потерявшее всякую надежду.

— Это все просто отстой, чувак, — разочарованно произнес я.

— Не распаяйся, — сказал Элиас более спокойно. — Гнев не самый лучший советчик.

— И ты так просто с этим смирился? Как долго это будет продолжаться? Мама и папа не могут злиться на тебя вечно.

Элиас пожал плечами.

— Я полагаю, это полностью зависит от того, как скоро Роте-младший поправит свое здоровье. — Он презрительно фыркнул. — Хотя не знаю, можно ли на это надеяться.

Нет, я совсем не узнавал своего брата.

— Что все-таки произошло той ночью? Почему ты набросился на Кристофера? — я повторил вопросы, которые уже задавал ему по телефону и которые мучили меня день и ночь с тех пор, как позвонила мама.

Теперь я собственными глазами увидел то, что раньше замечал только по голосу Элиаса в телефоне: он захлопнулся, словно ракушка. Брат снова скрестил руки на груди и посмотрел мне прямо в глаза.

— Я напился, мы поссорились, была драка. Конец истории.

— Это ты все начал? — Я с трудом мог себе это представить.

— Конечно. Как я уже сказал, я был пьян. И не помню никаких подробностей.

Я в отчаянии потер лицо.

— Элиас, если ты не поговоришь со мной, я не смогу тебе помочь.

— Конечно, ты не сможешь мне помочь. — Черты его лица смягчились, а карие глаза потептели. —